

18+

ЮРИЙ МЕРКЕЕВ

ГЕРДАУЭН

РАССКАЗ

Юрий Меркеев
Гердауэн. Рассказ

«Издательские решения»

Меркеев Ю.

Гердауэн. Рассказ / Ю. Меркеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506658-9

Из 90-х. История сюрреализма в эпоху нового романтизма. Свобода без ответственности рождает грубые формы жизни. Об этом честно в рассказе.

ISBN 978-5-00-506658-9

© Меркеев Ю.
© Издательские решения

Гердауэн Рассказ

Юрий Меркеев

© Юрий Меркеев, 2025

ISBN 978-5-0050-6658-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«Человеку более по душе самый глубокий ужас,
чем естественное объяснение представшего ему призрака;
он не довольствуется здеишим миром, ему надобно увидеть нечто из иного
мира, не требующее телесной оболочки, чтобы стать видимым...»*

Э. Т. А. Гофман

Наталья плохо знала меня. Я себя – тоже. Думал, что всё во мне крепко и надолго, оказалось, что нет. Быстро мне всё надоедает, игры в любовь в том числе. Я, конечно, не плел ей сказочных небылиц, но, каюсь, говорил всё то, что обычно говорят мужчины, когда им кажется, что влюблённость это навсегда. Хорошо бы каждого влюблённого, когда его с головой уносит за облака, останавливать чем-нибудь тяжёлым – томиком классической русской литературы, например. Припечатывать и смотреть, не очнётся ли. Если не очнётся, ещё раз коснуться лобного места, делать это ровно до той поры, пока не опустится на землю. Потом «контрольный» шлепок и вопрос: «Ну, что, голубчик, тебе всё ещё кажется, что влюблённость навсегда?». Если ответит «нет», можно оставить человека в покое. Если так не ответит, значит, он обречён. И у него две дороги – либо в ад, либо в психушку.

В то время я жил в Саратове, занимался спортом и работал учителем физкультуры. Наталья увлекалась йогой, лечебным голоданием и работала дефектологом. Познакомились быстро, спешно сошлись, взлетели на крылышках влюблённости. А потом я предложил ей уехать. Можно сказать, выдернул из уютного саратовского быта.

Сначала мы оказались на съёмной квартире в Белгороде (у меня там были друзья по спорту). Я пытался стать бизнесменом, честно заработать на торговле индийским чаем, ничего не вышло – не торговый я человек. Устроился грузчиком в мясной отдел на рынке. Денежно и сыто. Участвовал в ночных коммерческих кулачных боях. Посадил почки, после боя помочился кровью и понял, что с боксом пора завязывать.

А ещё я много графоманил в то время. Очень много. И всё написанное по ночам выбрасывал утром в мусорные контейнеры, потому что свежим взглядом понимал, что это водянистая, иногда слюнявая чушь. Посмеивался над собой – своими перлами насытил городскую свалку. Если собрать все испорченные бумаги того времени и сдать их в макулатуру, я мог бы получить в пункте приёма свежий томик Достоевского. И, наверное, должен был бы шлёпнуть им себя по голове – «контрольным». В отношении творчества я был в то время такой же идиот, как в отношении любви. «Казалось» – ключевое слово. Мне казалось, что я плодовитый писатель, мне нравилось писать так же, как нравилась постель с Натальей – особенно ночами. Наивысший экстаз. Есть что-то общее между творчеством и сексом.

А утром на свежий взгляд...

Через год я созвонился с управлением народного образования, и нам предложили работу с жильём на польской границе. В депрессивном поселке Железнодорожном, в прошлом – немецком городе Гердауне.

Собирались недолго. Упали с высокого неба в низкое, серое, тяжёлое, влажное.

Первые впечатления после многолетней разлуки с родной Прибалтикой: чернота. Небо рвёт клочьями. Разлетаются грязные слои, выворачиваются наизнанку, брызжут серым дождём. Исчезают, потом снова являются. Наверное, к такому капризному и неприветливому небу не зря приставили острые шпили церквей. Оцарапается мгла крестами, рассеется, быстрее осядет мокрыми кляксами. Понимаю, почему остроконечная готика родилась именно под таким небом.

Посёлок Железнодорожный расположен на холмах. Внизу чёрная речка, дамба и пруд. Сто лет назад на этом месте была мельница. Теперь – скелетообразная постройка из красного кирпича с чёрными провалами окон и готическими надписями. Краска истлела от времени, кирпич, напротив, затвердел, стал темнее и гуще. Чуть выше на холме – заброшенное кладбище. Старинная кирха на другом холме, в центре посёлка. И каменная стела с высеченной надписью на немецком языке: «Gott mit uns» – Бог с нами. Стела сохранилась ещё со времён Первой мировой.

Позади меня средневековый замок, в котором повесился армянин, пожелавший стать «новым русским». Говорили, что он вёз с собой чемодан сотенных купюр, чтобы приватизировать кусочек средневековой истории. В дороге случилась денежная реформа. Об этом предприниматель узнал утром в поезде: за ночь бурые купюры с монументальным ликом вождя превратились в фантики. Армянин сошёл с ума. Вылез на конечной станции седым и дряхлым, а входил в поезд черноволосым золотозубым красавцем. Реформа настигла его между Москвой и Калининградом. Обратила богатство в пыль, а самого предпринимателя сожгла изнутри как проказа – мужчина почернел лицом, пожелтел глазами, побелел кудрями, добрался до старых конюшен «своего» рыцарского замка, из которого хотел сделать придорожную гостиницу, выбрал балку покрепче, обвязал её цветастым галстуком с попугайчиками, влез в петлю и удавился.

Я потом фотографию удушенника с нарядным галстуком видел в местном РОВД.

В Железнодорожный в то время приезжали немцы.

Пожилото туриста из Германии я однажды встретил возле соседского сарая, где старик-белорус откармливал свиней. Седой немец опёрся на капот своего мерседеса, курил трубку и плакал. Когда-то в этом месте был его дом. Но плакал он, вероятно, по другой причине: при входе в свинарник сосед уплотнил глинистую почву старыми гранитными плитами с заброшенного кладбища. Прочитывалась какая-то надпись: «Meine liebe...». «Моя любимая...». Возможно, это была надгробная плита его матери. Возлюбленной. Или знакомой. Не важно.

Посёлок Железнодорожный живёт во тьме. Фонарь болтается возле барака стационарного магазина. Переезд отливает прыгающими огоньками семафоров, обнажает лысые черепки древней мощёной улочки. Камни отшлифованы веками, теснят друг друга, пузырятся, скрипят по ночам, стоят как сторожевики вечности.

Здесь нужно пить разогретое вино и писать мрачные гофмановские сказки. В то время я уже не портил бумагу сочинениями, только мечтал. И пил много. Мечты писать и пить – вещи взаимодополняющие. Даже местами приятные, потому что после двух-трёх стаканов появляется щемящее чувство жалости к себе и снисхождение к отложенному таланту. Дескать, пью, потому что не могу писать, а не пишу, потому что пью. Между прочим, не самое плохое времяпровождение и состояние души.

С местной самогонкой и жалостью к себе влюблённость в Наталью прошла быстрее, чем могла бы. Рассеялась в пространстве ненаписанной сказки. Не понадобился контрольный шлепок томиком Достоевского по голове.

Так я ей потом и сказал:

– Наши отношения – не роман. Рассказ. И тот недописанный.

– Я это знала, – ответила женщина. – Я поняла это раньше, чем ты.

И заплакала, зная, что я не выношу женских слёз.

Деньги закончились быстро. Запасов не было. Но зато была вольность, работа, жильё, здоровье. Наталья учила детей в интернате для слабоумных. Подрабатывала массажисткой. Я преподавал физкультуру в интернате для туберкулёзно ослабленных детей, охранял склады с гуманитарной помощью, вёл платную секцию бокса в единственной школе посёлка.

В солнечные летние дни мы гуляли по рельсам почти до польской границы, собирали пижму и ездили в соседний город сдавать её за деньги в аптечные склады. Не знаю, кто кого обманывал, мы аптеку, или аптека государство, – но от сбора сырья мы получали больше, чем две зарплаты педагогов. Кроме пижмы, хорошо шёл зверобой и черника. Вскоре лавочка прикрылась. Перебивались чем могли. Ночами делали набеги на заброшенные огороды, тащили тыквы с кабачками. Вместо чая пили траву. В гости приглашали приезжих из Самарканда, дивились их спокойствию, безмятежности, трудолюбию. И умению радоваться малому, и смиренно переносить нищету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.